

Генерал Хо, переживший резню, был крепок как сталь, но сердце его оставалось человеческим. Он смотрел, наблюдал, и сострадание, которое он испытывал к незнакомцам, встреченным на жизненном пути, превращалось в искреннюю жалость, когда речь шла о человеке перед ним.

Спустя долгое время он вздохнул и медленно, беззвучно произнёс:

— Больше так не делай.

Жун Лоюнь понял его и кивнул, как цыплёнок, клюющий зерно. Внезапно тот взял его за плечи, приблизился, наклонился к его уху, и тёплый воздух коснулся его кожи.

Что он делает?

Что хочет сказать? Почему он шепчет, когда я не слышу? Неужели говорит обо мне плохое или, может быть, признаётся в чём-то? Сердце его напряглось до предела.

Он не сдержался и прошептал:

— Ду Чжун...

— Жун Лоюнь, — произнёс тот, кого звали Ду Чжун, шевеля тонкими губами. — Я — Хо Линьфэн.

Дыхание коснулось его, но Жун Лоюнь услышал лишь гул. Хо Линьфэн отпустил его, выражение лица оставалось невозмутимым, с прищуренными глазами, словно он был полон загадок.

Он хотел спросить, но остановился, понимая, что сейчас это бесполезно.

Спросить не мог, но мог догадываться. Они пошли к Залу Чэньби, и Жун Лоюнь размышлял про себя: может, он ругает меня? Или хвалит? Он игнорировал боль в ушах, забыл о тени под ногами и продолжал размышлять, пока они не дошли до входа в зал.

Они вернулись последними, остальные уже завтракали за столом. После ночной суеты все были голодны, и Хо Линьфэн первым сел, затем подвинул стул для Жун Лоюня. Но, к удивлению, тот обошёл его и направился к Дуань Хуайкэ.

— Брат! — крикнул Жун Лоюнь.

Этот громкий крик заставил двух человек, пивших кашу, подавиться, а одного, евшего лепёшку, чуть не задохнуться. Дяо Юйлян едва не засунул куриную ножку себе в нос. Дуань Хуайкэ тоже вздрогнул и спросил:

— Что случилось?

Жун Лоюнь указал на ухо и показал жест «шесть». Дуань Хуайкэ понял, встал и пошёл вглубь зала за аптечкой, достал набор серебряных игл, чтобы сделать акупунктуру и облегчить боль.

Все ели и наблюдали, как Жун Лоюнь сидел с прямой спиной, а Дуань Хуайкэ втыкал иглы в его голову и шею. Иногда он вскрикивал от боли, иногда отстранялся, а порой поднимал лицо, умоляя Дуань Хуайкэ быть поосторожнее.

Хо Линьфэн не сводил с него глаз, каша остыла, лепёшка затвердела, но он так и не начал есть. Внезапно Жун Лоюнь посмотрел на него, и в его взгляде читалось высокомерие, смешанное с

хитростью, как у шаловливого ребёнка, забирающегося на крышу.

Это был упрёк за скрытые слова, явная месть и открытый вызов.

Он отвел взгляд на Дуань Хуайкэ, этот старший господин был мягок и терпелив, что раздражало.

После акупунктуры боль утихла, и Жун Лоюнь спокойно начал есть. Он поднял миску с кашей, украдкой взглянул на того, кто сидел напротив, и затем снова посмотрел, желая попробовать солёные огурцы перед ним. Хо Линьфэн, хоть и ревновал, взял маленькую тарелку, положил несколько огурцов и с пониманием передал их.

Жун Лоюнь взял тарелку, касаясь тыльной стороны руки Хо Линьфэна, и это показалось тайным обменом среди всех за столом. Он больше не стал шутить, опустил голову и продолжил есть, постепенно восстанавливая слух.

После завтрака все обсудили план по поимке преступника, и старшие ученики докладывали о событиях в своих районах. Дяо Юйлян сказал:

— Я видел тёмную фигуру на юге города, но был далеко и не смог догнать, это было примерно в час тигра.

Шум в ушах постепенно стих, и Жун Лоюнь сказал:

— Вчера ночью я был в центре города и использовал Шесть Путей Голоса Брахмы, чтобы обнаружить подозрительные движения на севере, но это оказалось отвлекающим манёвром. Позже я услышал то, о чём говорил четвёртый брат.

Дяо Юйлян спросил:

— Если второй брат отправился из центра города на север, а похититель одновременно двинулся с севера на юг, разве он не был бы быстрее второго брата?

Он покачал головой.

— Скитание по Восьми Сторонам — первое в мире, так не может быть.

Все засомневались, и Жун Лоюнь сказал:

— Поэтому я предполагаю, что, возможно, похитителей было больше одного.

Это шокировало всех, ведь в мире воров, крадущих девушек, всегда действуют в одиночку, никогда не слышали о группе. Пока они обсуждали это, ученик ворвался в зал и доложил:

— Господин, в третьем доме на пристани, дочь семьи Лю стала жертвой.

Жун Лоюнь резко встал:

— Когда это произошло?

Ученик ответил:

— В течение последнего часа, тело ещё не остыло.

С рассветом люди разошлись, и все семьи расслабились... Жун Лоюнь тут же приказал:

— Ду Чжун, организуй патрулирование учеников, быстро!

Хо Линьфэн, однако, не двинулся с места:

— Господин, ученики тоже люди, им нужен отдых.

Если патрулировать без перерыва, через три дня все ученики будут измотаны. Он предложил:

— Я предлагаю организовать временные убежища в городе, чтобы девушки могли собраться в одном месте и быть под защитой.

Идея была хорошей, все согласились и сразу же начали действовать.

В суматохе Хо Линьфэн незаметно подошёл к Жун Лоюню и положил руку на его спину. Жун Лоюнь повернулся к нему, и тревога в его глазах немного утихла.

Он тихо сказал:

— Не волнуйся, мы найдём решение.

Неизвестно, была ли это теплота руки или глубина голоса, но беспокойство Жун Лоюня постепенно успокоилось. Он стал более хладнокровным и анализировал:

— Убежище — это лишь временное решение, похититель может подождать, но девушки не могут прятаться вечно.

Кроме того, если похититель отправится в другое место, его будет ещё труднее поймать.

Хо Линьфэн сказал:

— На острове Чжоша я часто охотился, ставил ловушки и клал приманку рядом с ними, и мне не нужно было беспокоиться.

Жун Лоюнь сразу понял:

— Ты имеешь в виду заманить похитителя, чтобы он сам вышел, а затем схватить его?

Его глаза загорелись, но затем свет погас.

— Но люди — не животные, животные идут за едой, а люди...

Эта нерешительность нарушила спокойствие Хо Линьфэна, и он мысленно ругнул его за наивность. Он приблизился и тихо сказал:

— Зачем думать? Используй его слабости.

Жун Лоюнь закатил глаза, конечно, он знал, как использовать слабости, но похититель жаждет «красоты», какая девушка рискнёт? Спор продолжался, когда в Дворец Буфань въехала карета, остановившаяся у Платформы Мяоцан.

Он посмотрел, кучером был слуга из Башни Чжаоуму.

Нежная рука откинула занавеску, и жёлтая шёлковая ткань выскользнула наружу. Туфелька

ступила на ступеньку, юбка коснулась земли. Жун Дуаньюй вышла из кареты, без звона украшений, лишь цветок жасмина в волосах. Она подняла голову, её лицо без макияжа было бледным, но грусть делала её ещё более привлекательной.

Жун Лоюнь переступил порог:

— Сестра, зачем ты пришла?

Он побежал к ней, обнял и проводил в зал.

Жун Дуаньюй вздохнула и, увидев всех, кто мог помочь, сказала:

— Люди обеспокоены, Башня Чжаому необычайно пуста, я пришла посмотреть, что можно сделать.

После минутного колебания Жун Лоюнь передал предложение Хо Линьфэна.

Дуань Хуайкэ кивнул, переход от пассивности к активности казался разумным. Дяо Юйлян потер руки, словно похититель был уже рядом.

— Звучит как хороший план, но трудноосуществимый, — охладил пыл Жун Лоюнь. — Все в панике, кто согласится рискнуть своей дочерью? К тому же, никто не доверяет Дворцу Буфань.

Зал погрузился в молчание, и вдруг Жун Дуаньюй сказала:

— А как насчёт меня?

Красавица из Башни Чжаому, первая красавица Сицянлиня, доверяющая Дворцу Буфань. Как только она спросила, Жун Лоюнь воскликнул:

— Нет! Я не позволю!

Он сердито смотрел на Жун Дуаньюй.

— Даже не думай!

Брат и сестра, связанные кровью, естественно, не соглашались, и все остальные тоже не хотели, чтобы Жун Дуаньюй рисковала. После минутного молчания Жун Дуаньюй подошла к Жун Лоюню, мягко стряхнула пыль с его плеча, вытерла лицо платком и погладила его косичку.

Это ласковое утешение, как с котёнком, успокоило Жун Лоюня, но он всё ещё не соглашался.

Жун Дуаньюй сказала:

— У вас много мастеров, чего бояться?

Она взглянула на Хо Линьфэна и сделала два шага вперёд.

— Ты предложил эту идею, значит, у тебя есть полный план?

У Хо Линьфэна действительно был план. Чтобы привлечь похитителя, нужно было сначала привлечь его внимание. Он видел в Сайбэе, как девушки с Террасы Сяочунь бросали вышитые шары, чтобы привлечь гостей, и каждый раз это вызывало ажиотаж. Согласно этому плану,

нужно было заранее устроить засаду в Башне Чжаому, и когда похититель появится ночью, схватить его.

Он посмотрел на реакцию всех, одни кивали, другие размышляли, но только второй господин смотрел на него с ненавистью. Он злился на него, едва сдерживаясь, чтобы не ударить, и, к счастью, это был Зал Чэньби, а не Безымянная обитель, иначе он бы разбил лампу в гневе.

Жун Лоюнь холодно сказал:

— Все знают, что красавица — моя сестра, только дурак попадётся на это.

Хо Линьфэн сказал:

— Есть поговорка: «Богатство ищут в опасности», и красота — не исключение.

Он сделал паузу и высказал свою догадку.

— Может быть, именно потому, что красавица — сестра господина, похититель обязательно появится.

В мире бродяг, почему этот злодей нацелился именно на Жун Лоюня? Два года назад в городе Сяоян это было понятно, но теперь он проник в Сицзянлин, явно чтобы бросить вызов.

После долгих обсуждений все согласились с методом Хо Линьфэна. Жун Лоюнь остался в одиночестве и, закончив обсуждение, первым покинул Зал Чэньби. Хо Линьфэн хотел последовать за ним, но, учитывая присутствие сестры, сдержался и остался, притворяясь джентльменом.

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16167/1449311>